

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Ватутин

Тайна звездолёта "Климент Ворошилов"

новелла

Денис Ватутин
Тайна звездолёта
Климент Ворошилов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57437002

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказ написан в жанре альтернативной фантастики, и повествует о работе советской милиции в 80-е, 90-е годы, в альтернативной вселенной, где не произошло перестройки, и СССР покоряет космос. Обычный сотрудник милиции из абсолютно реального отделения, в северо-западном округе, пытается расследовать серию странных убийств. Неожиданно, оказывается, что это дело связано с его юношеской мечтой о космосе, куда он не полетел, из-за своей девушки. И тут выясняется – правильно он сделал, что не полетел...

Содержит нецензурную брань.

Бледные щёки, напоминающие дрожащий молочный пудинг, водянистые светлые глазки, с поволокой и хитрым прищуром, как у деревенского кота, который вечно проигрывает в мозгу комбинации по похищению хозяйской сметаны, курносый нос, тонкий рот, теряющийся в щеках, и подбородок, похожий на круглую хлебную булку из заводской столовой. Это был Халва... Халва уже битый час пытался мучать меня своим пресным обществом, полагая, что ему на это даёт право бутылка водки «Столичная», которую он принёс, и наше совместное с ним школьное детство, в котором мы, хоть и общались, но дружили не особо: он частенько выманивал у меня скудные деньги на школьные завтраки. Халва звонил мне редко, но зато сериями, так как я всячески пытался увильнуть от встречи с ним ссылаясь на неотложные дела. Но тогда он звонил на следующий день, а потом ещё раз, пока я не набирался решимости перенести его тусклое общество, разговоры ни о чём, и традиционную бутылку. Я категорически не мог понять, зачем он приходит ко мне, и как ему самому не скучно сидеть, медленно пережёвывая вялую беседу на одни и те же темы. Действительно – что может быть общего у бывших одноклассников? Только бывшие одноклассники. Детство ушло, жизнь изменилась, и мне абсолютно не интересно знать, кто там на ком женился и кого родил: это уже давно чужие мне жизни. Да и с Халвой, точнее Димкой Лихвинцевом, нас давно ничего не связывало, кроме моей соседки по дому, Зинаиды, в которую он был без-

ответно влюблён ещё в школе и про которую он старательно меня выпрашивал каждый раз, когда приходил. А видел я её редко. И знал о ней не много. В самом деле: он связался с какими-то сомнительными ребятами, откровенно говоря, даже бандитами, а я работаю в милиции, в оперативном отделе – и это тоже я не назвал бы объединяющим фактором. Когда же он уйдёт?...

– Будешь? – он протянул мне красную пачку сигарет «Marlboro».

– Спасибо: у меня «Союз-Аполлон».

– Ты же весь космический у нас, – хмыкнул Халва.

– Не всем же быть приземлёнными, – ответил я кисло улыбаясь.

Тот словно не заметил моих слов.

– А я тут видел Глазкова, помнишь его? – Халва наполнил наши стопки.

На заднем фоне тихонько бормотал радиоприёмник, и я машинально больше прислушивался к нему, а не к Халве.

– Помню-помню, – бесцветным голосом ответил я, нарежая докторскую.

– Так вот, – продолжал Халва, издевательски ухмыляясь, – этот придурок спился...

– Дим, слушай, вот тебе не пофиг, что происходит с бывшей школьной гопотой?... – не выдержал я, – вот это точно тот человек, о судьбе которого я не перестаю думать каждую ночь...

– Так я и говорю, – Халва выпучил глаза из-под господствующего рельефа своих щёк, – придурки все должны заканчивать так же, как он. Я стоял на светофоре в своей тачке, а он, в мятом старом пальто... срамотища: рожа синяя... руки ходуном ходят – подошёл ко мне, узнал... привет, говорит, Димон, одолжи трояк до пятницы... прикинь?! Вообще стыдоба... ну, я ему сказал – протри мне ветровое, я тебе за работу заплачу... он такое лицо сделал, как будто ему по сопатке заехали... никуда не делся, протёр...

– Тихо! прервал я его, выкрутив ручку громкости на приёмнике.

– ...задерживается по техническим причинам на полтора месяца. Как заявил глава государственной комиссии при Министерстве Обороны СССР, звездолёт «Климент Ворошилов» будет готов к старту ещё в начале мая... Ведущий конструктор, Валентин Петрович Глушко, заявил, что технические проблемы не значительны, но их устранение требует повышенной внимательности: в основном, все последствия аварии во время последнего рейса устранены, экипаж обновлён. Напомним нашим слушателям, что советский звездолёт «Климент Ворошилов» осуществил первый в мире перелёт на планету Марс, с целью создания там международной научной станции «Марс-1». После пяти лет напряжённой работы в трудных условиях незнакомой планеты, звездолёт на пути к земле перенёс незначительную аварию, и был отбуксирован на орбиту Земли космическим тягачом «Энер-

гия». В настоящий момент, обновлённый экипаж звездолёта состоит из 25 человек, в составе которых лётчики космонавты СССР, Джанибеков Владимир Александрович, Попов Леонид Иванович, Савицкая Светлана Евгеньевна, выдающиеся учёные Чандрасекар Субраманьян, Индия, Оорт, Ян Хендрик, Нидерланды, Фаулер, Уильям Альфред, Соединённые Штаты Америки, Жерар Анри де Вокулёр, Франция, Рэона Эсаки, Япония и многие другие. Генеральный Секретарь Коммунистической партии Советского Союза, Леонид Ильич Брежнев в своём выступлении на внеочередном пленуме сказал следующее: (цитата) Остаётся выразить надежду что люди всех стран, всего мира, отринув старые предрассудки, соберутся в едином порыве, для освоения бескрайних просторов космоса...

Я выключил радио... Халва раздвинул щёки в ехидной улыбке. В этот момент я его ненавидел... причём не за все его отрицательные черты, а конкретно за эту вот улыбку и ещё за то, что это сообщение пришлось слушать при нём...

Я налил себе полный стакан водки. Зубы мои стиснулись, как паровой пресс, а губы сжались стальной скобой. Воздух уплотнился в лёгких, перед глазами пошли розовые пятна.

– Странный ты мужик, Лёха, – сказал Халва, глядя на меня холодным изучающим взглядом, – неужели ты не мог ей сказать, чтоб она не командовала...

– Да отвали ты! – я выпил стакан залпом, и раздув ноздри вздохнул со стиснутыми зубами, встав над столом, упираясь

в него руками...

– Лёх, ну хватит, ты загоняешься своим космосом, – Халва достал вторую бутылку, – да я врубаюсь во всё, и говорю – надо было либо её осадить, либо теперь-то уж не париться про это дело, понимаешь?

Словно яркая короткая вспышка фотоаппарата ослепила меня на долю мгновения, я, вдруг, перестал на него обижаться, словно кончилось топливо в камере сгорания, вышел воздух из надувного шарика... Я почувствовал, что выгляжу поидиотски, и сел на табуретку. Кажется, я стал меньше ростом. Да... всё правильно говорит, эта бестолковая Халва... Маша... Да... Я ненавижу выбирать...

Я прошёл отбор в отряд первых космонавтов и... да... как раз на «Ворошилова»... Мне дали добро... Но моя любимая... Она... Она сказала, что не полетит... и если полечу я, без неё... между нами всё кончено... Детские идеалы покорения космоса у неё отсутствовали, она говорила о семье, о доме... Ну... что я мог сделать? Да – мог разозлиться и послать всё к чёртовой матери... но... её я тоже понимал... Гордость у меня, конечно есть... но, не знаю... я просто не хотел её терять... ради другой планеты... ради славы первооткрывателя и героя... не мог... не имел права... работа в милиции показалась мне той самой достойной заменой... да... это всё водка... конечно же, водка...

– Ладно, Дим, не обижайся, это всё нервы... – сказал я медленно, закуривая сигарету... – просто нервы...

– Конечно нервы! – он лукаво улыбнулся, – за это и выпьем!

Нельзя мне работать в милиции: я в любом человеке стараюсь разглядеть положительные черты. А с другой стороны, ещё Дзержинский говорил, что, «тот, кто станет жестоким и чье сердце останется бесчувственным по отношению к заключенным, должен уйти отсюда. Здесь, как ни в каком другом месте, нужно быть добрым и благородным».

– А как там моя Зиночка? Не звонила-ли? Не заходила ли к тебе? – Халва прищурился, и губы его сделались капризными.

– Да какой-там, у неё муж с ребёнком, – вздохнул я, – она бегаёт с работы домой, так и всё... Дим, не знаю я ничего...

– Грустный ты какой-то, Алексей... это не дело... – Халва нахмурился, но, как обычно он это делает, с лукавым не серьёзным видом.

Он полез в карман, и вынул оттуда алюминиевый портсигар, украшенный каким-то пластиковым перламутром, постучал пальцем по крышке, словно это был условный сигнал для спрятавшихся в ней чертей.

– Может кокаинчика нюхнёшь, товарищ? – с лицом заботливой мамы спросил он, – а то ты...

– Дим, ну, не нужно мне этого, – сказал я, – ты же знаешь: я больше по водке или коньяку с портвейном, а ваша эта мода на всякую хрень...

– Ну это ты зря...

– Ты не забыл, где я работаю? – поинтересовался я.

– А по-твоему, менты кокс не нюхают? – он наморщил нос, который стал напоминать «пяточек», – такой принципиальный стал, как в милицию пошёл.

– А ты стал таким беспринципным, как пошёл в шестёрки к Рыхлому, – парировал я.

– Ой! – он закатил глаза, словно собрался упасть в обморок, – да, когда я на Рыхлого не шестерил, ты что!? Так: он мне, я ему... мелкое сотрудничество. Я ему денег был должен, так вот как раз сегодня несу весь долг. Тысяча рублей! Я на машину занимал...

Он похлопал себя по нагрудному карману джинсовой куртки «Levi's».

– Зачем тебе машина? – спросил я, усмехнувшись, – ты ведь и так работаешь водилой.

– Хочу свою, – он нахмурил жидкие светлые брови, – надоело таксерить... у меня был клиент. Вот он звонит мне, и платит нормально, а из парка срочный вызов, попробуй пропусти. И получается, что без своей машины, как без... не знаю, ног, наверное...

Он хохотнул, довольный своей шуткой.

– Ты там по легче, со своим Рыхлым, – я стиснул зубы, – этот отморозок, хуже шакала... таких, как ты, мелких хулиганов, он на завтрак хакает.

– Да вообще, этот Рыхлый меня сам боится: я про него знаю много нехороших вещей, так что... – Халва открыл

портсигар, вынул из него бритву «Нева», и деловито начал формировать «дорожки» белого порошка, кучкой лежащего на дне. Затем, картинно вынув из кармана зелёный «трёшник», скрутил из него трубочку, и шумно вдохнул белый порошок.

Щёки его порозовели, а глаза заблестели: он стал похож на поросёнка из финской бани.

– Эхххх! – выдохнул он, – забирает..!

Выпучив глаза, словно на дворе был вакуум, он пошевелил носом, на манер выхухоли, после чего взял стакан.

– Давай с тобой выпьем, чтоб наши однокласснички там все от зависти подошли, как мы с тобой живём! Хоть ты и мент, а парень-то нормальный...

– Ну, спасибо, Диман, – я рассмеялся, стараясь подавить желание включить радио снова.

– И вообще... – он воодушевлённо порозовел, от всего принятого, – Мишке своему скажи, что он палку-то перегибает... Приструни его: а то совсем обнаглел...

– Дим: хватит, – я наморщил лоб, – он один из самых честных людей...

– Да он ненормальный! – Халва выпучил глаза, на манер укушенного краба, – он дикий, я тебе отвечаю...

– Так... всё... давай-ка сворачивать нашу вечеринку, – я стиснул зубы, – у меня сегодня ещё дел по горло...

– Ты сам таким становишься, Лёха, – его розовые от принятого щёки затряслись...

– Я что-то не так сказал? – я прищурился, – Дима, у меня дела...

Халва взял со стола початую бутылку, и положил себе в карман куртки...

– Как скажешь, друг... – он посмотрел на меня так, словно узнал во мне того человека, который убил его любимую собаку, – пойду и я. А то Рыхлый ещё напрягаться будет...

– Иди, иди, – я смотрел в пол и махал рукой...

Я не знал в тот момент, что вижу Халву в последний раз...

.....

Мигалка на крыше патрульного «Узика» вспыхивала бликами в сотнях окон окружающих домов, на фоне сиреневого заката, очерченного снизу силуэтом старого города... было мимолётное ощущение, что у всех работает телевизоры, или сверкают новогодние гирлянды... хотя, конец апреля...

Мишка Скуридин – высокий и тощий парень, с большими тёмными и внимательными глазами на треугольном лице. В принципе, не такой уж он и высокий: худоба его, тонкие длинные руки и ноги, вот, пожалуй, что давало ощущение высокого роста. Я в шутку называл его «готический собор». Он отвечал на это, одним и тем же выражением: «хоть горшком назови, только в печь не суй».

Он был уже старшим лейтенантом, а я ещё ходил в млад-

ших, хотя в милицию мы пришли вместе. Миша обладал каким-то странными сочетаниями свойств характера: он был резок, принципиален, и, даже конфликтен, но при этом умён, начитан, и энциклопедически развит. И ещё в добавок, мог быть душевным и даже, беззащитным. Та самая жёсткая принципиальность, на которую жаловался Халва, двигала его по служебной лестнице, хотя и с начальством нашим у него часто бывали трения. Я, по сравнению с ним, был более гибок, и лоялен, хотя так же имел чёткие принципы. А в нашем деле некоторая жёсткость иногда необходима. Нам повезло, что наш начальник РОВД, товарищ Фабрици, в прошлом воевал в Афганистане, и, в отличии от многих «бывших воинов» обладал не только суровым характером, но и живым умом, в сочетании с честью офицера, и обострённым чувством справедливости. Помню, когда мы с Мишкой пришли устраиваться в тушинское РОВД, вышел к нам такой плотный, даже пухлый человек, не очень высокого роста и обведя нас живыми внимательными глазами, кивнул, со словами:

– Присаживайтесь.

Тогда мы думали, что это какой-то «зажравшийся мент», желающий оценить своих новых наёмников: совсем он не был похож на героя войны, прошедшего горячие точки планеты.

– Хотите работать в милиции? – спросил он нейтральным тоном.

– Да, – сказали мы вяло.

Он кивнул, потом задумался и спросил:

– Наверное вам интересны в наше беспокойное время, социальные льготы, пакеты, возможность быстрого заработка...

Повисла пауза... только тикали настенные электрические часы своей чёрной секундной стрелкой, словно пытаюсь вбить в нас некий чужеродный ритм, словно объясняя нам подспудно, что мы должны стать шестерёнками гигантской машины «Закона».

– Конечно, – ответил Миша, и с вызовом прищурил глаза... с таким, подростковым вызовом: дескать, «а что, дядя? Так неправильно? Не нужно думать о себе? И о выгоде для себя?».

Он вновь бегло просветил нас своим рентгеновским взглядом, от которого хотелось поёжиться, и в то же время, расправит плечи. Затем снова кивнул, казалось погрузившись в какие-то свои раздумья... И вдруг... Вдруг он резко ударил красной кожаной папкой по столу, и выкрикнул:

– А вы готовы умереть на асфальте Москвы!?!??

Он смотрел на нас уже двумя лазерными прицелами, а его рот искривился на подобии коромысла, создавая некоторое сходство с оскалом опытной бойцовской собаки...

Мы непроизвольно вздрогнули... Я вообще, впал в некий ступор... А Миша... казалось он не потерял нити рассуждения, хоть и так же повёл плечами...

– Простите, но я считаю, – начал Миша, откашлявшись в кулак, – что к смерти должен быть готов каждый человек, даже в мирное время – никто же не застрахован... Тем более в этой профессии...

Я попытался сделать умное лицо, и стиснув зубы, выдавил из себя:

– Конечно... мы понимаем... мы... мы можем... если надо...

Миша покосился на меня, одновременно нахмурясь и усмехаясь...

Фабрици скальпелем взгляда чиркнул по нашим лицам.

– Приняты, – сухо ответил он, хотя, когда отводил глаза к папке, там сверкнула весёлая искорка, – идите в кадры, я сейчас позвоню... документы с собой?

– Так точно! – зачем-то выпалил я.

– Идите...

.....
В общем потом мы работали в охране Центра Трансплантации Органов Человека на Пехотной улице, потом дослужились до сержантов, а потом пошли в ППС (Патрульно-постовая служба).

У Мишки было два задержания, и при чём, достаточно серьёзных, а у меня только одно, и в группе. Он в одиночку скрутил двух парней на крыше дома, которые в альпинистском снаряжении вылезали с балкона ограбленной квартиры. Я же один раз прогнал с территории больницы компанию

хулиганов, выстрелив в воздух из табельного (за что целый месяц писал объяснительные нашему ротному), и второй раз мы взяли по вызову двоих наркошей, вылезавших из коммерческого ларька.

Не было между нами карьерного соревнования – кому как «везёт». Глупо думать о героизме или романтике на такой работе. Но, по жизни, у нас с Мишкой, оппозиционные «перестрелки» всё же случались. Во-первых, он считал меня сбившимся с пути истинного, философом, во-вторых, думал, что, я, в чём-то знаю больше него (я-то думал зеркально). Ему, видно в чём-то импонировала моя гибкость, но он не хотел себе в этом признаваться. Меня же привлекала (при всём его эмоциональном характере) твёрдость его убеждений, и, некая внутренняя уверенность в своих поступках, что иногда доводило до конфликтов с окружающими. Мы же с ним, умудрялись находить компромисс, но в частых, не прекращающихся спорах. Это был вечный бой. И начался он, почти сразу же после нашего знакомства, с ранней юности: потом мы вместе играли в одной дворовой музыкальной команде, с дурацким названием «Релакс». Он играл на барабанах, а я пел... Да...

– Как сам-то, Лёх? – Миша жевал в уголке губ мятую сигарету «Астра».

– Да, потихоньку, – ответил я, глядя в траншею, на ребристую изоляцию канализационных труб, – решил вот сам себя записывать на свою «электронику», пару новых песен в

голову пришло. От Маши тебе привет...

– И ей, – ответил он, глядя туда же, куда и я, – и так времени нету к тебе заскочить, а тут ещё и это...

– Да, – я сжал губы, – давно прокуратурские подвалили?

– Минут пятнадцать как, – ответил он, – пока не ясно, кто будет заниматься всем этим, но, сам понимаешь: мы попали...

– Да, – я вздохнул, глядя, как эксперты из тушинской прокуратуры, аккуратно, мягкими кисточками, словно бы, они археологи на раскопках, очищают из грунта траншеи серые кости человеческого скелета... – есть предварительные данные?

На его португее похрипывала радиостанция фирмы «Моторола».

– Короче, – Миша сплюнул сигарету, догоревшую, почти до губ, и, тщательно растёр её на асфальте, каблуком сапога, —ЖКХ местное, проводило плановую профилактику, разрыли трубы. Вон там, на краю двора, почти под газоном, нашли пару костей. Бригадир позвонил в исполком, думал, они нашли могилу древних славян. Тот ещё парень, с приветом, кажется. Пока там власти соображали, кого послать, пришёл участковый: помнишь его, Дубинкин, Гриша...

– Как не помнить, – я усмехнулся, – это который гроза всех бомжей района...

– Ну да, – кивнул Миша, сдвинув фуражку на затылок, от чего стал напоминать взъерошенного воробья, – у него

хватило мозгов позвонить в следственный отдел, а тут уж и нас подняли...

– И? – я закурил сигарету.

– Четыре девять... ффффхххх... – доносилось из радики, – передайте «Ольхе» – отбой, всё решили тут... на месте...

– Принял, четыре девять...

Миша покосился на радио, словно видел впервые.

– И, пока такая идея: – захоронение относительно свежее, месяца два – три. Скелет принадлежит молодой девушке, лет восемнадцати. Но, вот в чём загвоздка – ткани и мышцы, не успели бы так быстро разложиться до костей. Следов «мяса» нет. Ощущение такое, что закапывали именно кости, срезав мясо и ткани полностью...

– Что за херня? – я нахмурился...

– Да вот я и говорю: попали мы, кажись, на всяк какой-то... чую... В общем, наши сейчас жильцов опрашивают – никто, конечно не видел ничего подозрительного... да и тень там от фонаря, под деревом... Следы раскопа обнаружены... сейчас прокурорские пытаются понять, куда мясо делось? Кислота, или ещё что... животные кости не глодали – нет следов от зубов...

– Хрень какая-то... – я зябко поёжился, – кто-то взял мёртвое тело, убрал с него мясо, а потом, косточки прикопал? Не раздробил, не перетёр, не раскидал... не удивительно, что бригадир подумал про древнее захоронение...

– В принципе, да, не удивительно, – согласился Миша, –

теперь, небольшая стопка протоколов, и прощай мой отпуск в Карелию...

– Думаешь, что-то типа дяденьки-маньяка? – спросил я. Миша задумался, глядя на раздавленную сигарету.

«Моторола» снова захрипела:

– Фш-фшшш-ффф-ш.. семьдесят второй, семьдесят второй, как слышно?...

– Шшшшхххх... семдесят второй на приёме... Что там у вас?

– Шорошев Максим Геннадьевич, шестьдесят восьмого года, по адресу Живописная, двенадцать, сорок восемь...

– Сейчас... фххххшшшш... вижу...

– Привлекательность какая у него? ...ххххк...

– Двести шестая, четвёртого августа...

Миша включил рацию, а в моей голове роились сотни мыслей и образов, выстраивая огромную модель ночного города, который жил по своим, одному ему ведомым законам...

– Ты знаешь, – медленно ответил он, вытаскивая из пачки следующую «Астру», – исключать этого, тоже нельзя... Ты же помнишь, что у нас последнее время люди пропадать стали в районе: как минимум около шести заявлений на пропажу, в основном женщины. Трупов не обнаружено... До сих пор...

– Услышьте мой голос, смертные!

Мы с Мишкой синхронно обернулись: от патрульного

«москвича», только что въехавшего во двор, к нам двигалась нескладная фигура Серёги Авакяна.

– Властью данной мне Магистром нашего ордена, призываю вас в чертоги его!

– Сёреж! – Мишка сплюнул на асфальт, – мы тут, как бы, при деле, если наш магистр не в курсе!

– Прокурорские закончат, и копии свитков своих пришлют нам с гонцом!

– Блин горелый! Серый! У нас люди на опросе...

– Меня за вами послали: хорош загорать – поехали...

.....

– «... верни консервы на базу»: – услышал я в ушах громкий шёпот...

Я резко вздрогнул, крутанул баранку руля в сторону и грузовик, взревев двигателем, полетел кювет, увлекая меня к потолку кабины... За лобовым стеклом, словно в замедленной съёмке, приближался придорожный столб... Вдруг я понял, что в кабине грузовика наступила невесомость, а столб, оказался парящим в звёздном пространстве, сверкающим, словно ёлочная игрушка, звездолётом, с огромной красной надписью на борту «Климент Ворошилов» ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.